

Тамара Журиунская

РАЙОН
МОЕЙ
ЛЮБВИ

Дорогому мужу
Тавле Сиркесу
Z

"... Но если моих
не порвалишь стихов,
запомни: развод
не минуем!"

Г. Гейне

Кукла
Z 1707

от любящей жены,
Т. Ширинской

Z

Тамара Журмунская

РАЙОН
МОЕЙ
ЛЮБВИ

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦН ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1 9 6 2

Творчество Тамары Жирмунской стало известно читателям сравнительно недавно. Но стихи ее многим запомнились, полюбились, получили большой отклик в нашей печати.

Т. Жирмунская родилась в 1936 году в Москве. После окончания средней школы поступила в Литературный институт имени Горького.

Уже в институте она почувствовала, что круг ее впечатлений узок, что это отрицательно сказывается на ее творчестве. Поэтому, закончив Литинститут, она стала работать нештатным корреспондентом в газете «Труд», в журнале «Крестьянка». Частые поездки по стране насытили ее стихи богатым жизненным содержанием.

Стихи Тамары Жирмунской печатались в журналах «Новый мир», «Юность», «Молодая гвардия», «Смена», в сборниках «День поэзии» и т. д.

«Район моей любви» — первая книга стихов молодой поэтессы.

Основной мотив ее книги — ожидание. Ожидание счастья, любви, человеческого тепла. Но это не пассивное ожидание. Поэтесса идет навстречу жизни. Активное противоборство созерцательности, напряженный поиск своего лирического «я», желание высказать самое сокровенное — вот что привлекает читателя в ее лучших стихах.

ВОЖАТАЯ

Я с ног валялась,
я считала
Свои оставшиеся дни—
Недоставало одеяла,
Панамы, ложки, простыни.
Стреляли спичечные пушки,
Ботинки плыли по реке,
Уныло дергались лягушки
В тугом ребячьем кулаке.

Но скоро верх брала усталость,
Звенел над лагерем отбой,
И я на время оставалась
Наедине сама с собой.

Я засыпала на скамейке
(Хотелось пить, хотелось пить)
И не могла сухие веки
От слез недавних разлепить.
Я не могла нашарить тапок
И шла, босая, наугад,
Вдыхая сонный теплый запах
Угомонившихся ребят.
В потемках я не узнавала
Мальчишек, спящих на спине,

Ногами сбивших одеяла
И раскидавшихся во сне.

Потом смотрела, как за рамой
Заря цвела среди ветвей,
И вдруг себе казалась мамой
Всех этих трудных сыновей.

И все прощалось им:
 лягушки,
Страницы вырванных стихов
И спрятанные под подушки
Буденовки из лопухов.

ГАЙДАРОВСКИЙ МАЛЬЧИШКА

Милый мой гайдаровский мальчишка!
Поздно.

Невозможно.

Решено.

Оставайся в лучших детских книжках,
Мною перечитанных давно,
Тем,

что гордо щурится спросонок,
Набирая взглядом высоту,
Дерзким,

презирающим девчонок,

Если говорить начистоту.
Нарядись разбойником и лешим,
Объяви кому-нибудь войну,
Но не будь внезапно повзрослевшим
И влюбленным в девушку одну.
Как же я забыла —

льдины тают,

Сучья распрямляются весной,
И мальчишки быстро вырастают,
Вовсе не советуясь со мной.
Нипочем такого я не встречу,
Хоть слезами горькими давись...

Но летят мне лагеря навстречу
С мачтами, запущенными ввысь.
Ловят солнце вскинутые трубы,
Слышен мне их зов издалика.
Строгие мальчишеские губы
Лишь трубы

касаются пока.

В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ

Запомнить все:

побудку рано-рано,

И слитки солнца в теплом ручейке,
И влажные, душистые с дурманом,
Болотные цветы в моей руке.
Их доставал с опасностью для жизни
Весь третий несговорчивый отряд.
На них водою из пригоршни брызги —
Они, как самоцветные, горят.

Представить это,

помнить непременно:

Пароль военный, сосны, тишина,
Томительный вечерний запах сена...
— А если, правда, мальчики, война?
— Да мы на реактивном самолете
Всех разбросаем, в щепки разнесем!
— Ну, а меня угонят — вы спасете?
— Тамара Александровна! Спасем!

Нет, я хочу, чтоб марлей не стянули
Откинутых неузнанных голов.
Пусть вылетают ягодные пули
Из камышиных дудочек-стволов!

СКАЗКИ

Юрию Казакову

В немецких сказках
 черт с рогами
Распоряжается страной.
По грязи тонкими ногами
Шагает маленький портной.

В английских —
 мальчик бледнолицый,
Камин, харчевня и сверчок.
А во французских —
 страстный рыцарь
Подносит даме башмачок.

А в русских —
 нежится детина,
Отдавшись лесу, солнцу, сну.
Откроет глаз, почешет спину —
И с корнем выдернет сосну!

УТРО

Петух гуляет вдоль забора,
Петух — наш друг,
петух — наш враг.
Горят начищенные шпоры
На петушиных сапогах.

А я треплю тебя за косы,
Ташу из комнаты силком,
Хватаю ситный хлеб с подноса
И кружку с желтым молоком.

Я жадно ем краюху хлеба
И улыбаюсь петуху,
Крахмалу утреннего неба
И ледяному молоку.

И мы в каком-то урагане
Водю брызжем на лицо,
Пятнаем мокрыми ногами
Еще холодное крыльцо.

Какое скачущее лето!
Оно из пятен и лучей,
Оно из воздуха и света
И передолженных борщей.

О Ж И Д А Н И Е

Я беру, как бьющиеся вещи,
Томики прославленных стихов
В честь чужих,

любимых кем-то женщин

Старше нас на несколько веков.
И не будет клесться работа,
И, читая, забегу вперед,
Если кто-то ласковое что-то
Вечером по радио поет.

Помню, как, застенчиво-тихий,
Нас мужчины спрашивали вдруг:
— Вы какие любите духи? —
И несли их... для своих подруг.
Может, даже и не вспомнишь ты
Девочкой растерянной себя,
Взяв с улыбкой первые цветы,
Купленные только для тебя.

Оттого, что это быть должно, —
Лишь осталось руки протянуть, —
Я пока одна хожу в кино,
Выбирая самый близкий путь.
Я сама точу себе коньки,
Падаю,
взметая снежный дым,
И учу признания-стихи,
Кем-то посвященные другим...

ВЕСНА

Подснежники...

И значит, дело к маю,
И значит, снова долго не засну.
Я в первый раз вот так воспринимаю,
Вдыхаю так,
 так слушаю весну,
Так впитываю розовые пятна,
Разлитые по синей мостовой...
И мне сейчас особенно понятно
Большое счастье девушки другой.

К подснежникам протягиваю руку
И все дарю букетики в пуху
Я своему единственному другу
И верному чужому жениху.

Вот мне его невесту повидать бы,
Тихонько спеть, обнявшись, «Сулико».
Я в жизни не была еще на свадьбе,
А до своей как будто далеко.

И не боюсь услышать на пирушке
Сквозь звон стаканов,
музыку

и смех
Неладный вздох какой-нибудь старушки:
— Такого парня прозевала...
Эх!

ОСЕНЬ

Веет осенью.

Тишина.

Я иду под чьими-то окнами,

Не усталая, не одинокая, —

Просто я сегодня одна.

Фонари надо мной зажглись.

Клены

Желтые звезды сбросили.

Я беру на память об осени

Горьковатый, в морщинах, лист.

Кто-то шепчется там, впотьмах.

Бродят парочки

Вереницами.

Это счастье, быть может, снится мне

Только в самых секретных снах.

Я гляжу сквозь кленовое кружево,

Прижимаю листья к груди,

Нелюбленная, незамужняя...

Это все

Еще впереди!

ЧЕТЫРЕ ГОДА

Четыре года нам должна
Четырехлетняя война.

Зима.
Тепло — по ордерам.
Меня под мальчика подстригли.
Галопом мчатся по дворам
Отчаянные наши игры.
А «Гуси, гуси, га-га-га» —
Ребячество, а не игра.

Я в круглосуточном саду.
За чаем жду.
Ночами жду.
Я жду родительского дня.
Всех любят — только не меня!
Одна

за толстыми дверьми

Стою.
Слезами щеки мажу.
— Конфетку, девочка, возьми.
Дай поцелую за мамашу! —

Я не хочу, я не хочу,
Чтоб мне из жалости дарили!..
Опять зима.
В руках верчу
Мороженые мандарины.
Солдат в пилотке
их принес.

Солдат!
Не Дедушка Мороз!

Четыре года нам должна.
Все детство нам должна война.
И вот уже который год
Она его не отдает.

КУКЛА

В затемненной оттаявшей кухне,
Где до ночи сидела одна,
Я тогда тосковала по кукле
Так,
 как будто живая она.
Я мечтала...

 Но мама сменяла
Нашу куклу-красотку в пути
На кусок драгоценного сала,
Чтоб живую меня довезти.
Нам твердили:

 — Да вы экономьте.. --

Наша порция
 так уж мала,
Что, вливаясь в заветренный ломтик,
Я бы разу куснуть не дала
Никому.
Стала жадной, голодной
В пять неполных девчоночьих лет,
Но за куклу дала б что угодно,
Даже карточки, даже на хлеб.

А подарок-то был наготове:
Что взяла, то вернула война.

Куклу дочки, убитой во Львове,
Подарила мне тетя одна.
Я спала с ней,

с собою носила,
Прижимала ей сахар к зубам.
Я шептала,
что кукла красива —
Никому ни за что не отдам!

Только лучше бы мне не ручаться...
Пристань.
Зелень еловых пучков.
Мы встречали детей-ленинградцев,
Невесомых,
как пух,
старичков.

Помню девочку —
пальцы опухли,
Вся прозрачная, точно слюда, —
Потянулась
к моргающей кукле
И взяла у меня навсегда.

РИСУНКИ

Мы жили очень высоко,
Снимали угол выше сада.
Одно неясное окно —
Чердак, скворечница, мансарда.
Всего одно...

Но я тайком
Под крышу залучала солнце:
Я рисовала сто окон
При свете тусклого оконца!
Я рисовала вместо луж
Стоялых,
 вместо веток зяблых
Корзины сочных желтых груш,
Корзины сочных красных яблок!

Я не бросала рисовать,
Когда в студеную светелку
Со скрипом поднималась мать.
Скрывая за спиной плетенку.
И видно было по лицу,
Что ни муки, ни мяса в сумке...

Но слала я на фронт отцу
Свои правдивые рисунки.

ДОМОЙ!

— Домой! —

мы в теплушках кричали.

— Домой! Не зимой, а сейчас.

— Домой! —

Никакими клещами

Не вытянуть это из нас.

Чего же мы едем так долго?

А может, я дом проспала?

Мне нужен хоть краешек дома,

Хоть крепкая ножка стола...

Какие-то женщины в черном,
В плакучих платках с бахромой
Ходили по мокрым перронам
И всех забирали домой,
Под крышу —

и можно согреться,

И надо забыть про стрельбу,

Раз вышитый край полотенца

Приложен к тревожному лбу.

Мой дом,

не похожий на прежний,

Но сладко прижаться щекой!

Мой дом

с простодушной скворечней

(А в городе клетка, щегол),

Мой дом
с оцинкованной кружкой
(А в городе чашка с цветком),
Мой дом с домодельной игрушкой —
Свистящим насквозь петухом!..

Домой!
Не хозяйкина милость,
Не просто четыре стены:
Гнездом это слово лепилось
На скользкой коряге войны.
И пусто бывало в бидонах,
И худо родил огород.
Но не было в доме бездомных
Детей, погорельцев, сирот!

РОДСТВЕННИКИ ИЗ ГОРОДА

1

Родственники из города —
В синие сени с холода.
Валенком — о скребок,
Шапкой — под потолок
С голубыми прорехами.
Кто-то из двери:
— Ох!
Наконец-то приехали!

— Обещались весной,
А зима-то как тянется!
Тетке своей родной
Хоть улыбнись,
Племянница!
Что же мы без огня?
Нет ли в сенях огарочка?..
Вот и сестра твоя —
Галочка.

2

Все мне дорого-мило,
За улыбкой улыбка.
Земляничное мыло
В ладонях, как рыбка.

Моем руки и щеки,
Пятки, икры, колени
До блаженной щекотки,
До ягодной пены...

— Не измыльте мне мыло! —

Тетка вдруг из-за печки. —

— За тридцатку купила,

Больше нет ни копейки.

Ай, картошка застыла,

Хороша, да без сала...

А проклятое мыло

К ладоням пристало,

Земляничное мыло

Налипло на щеки.

Мы садимся уныло,

Свесив длинные челки.

Ну куда же деваться

С такою уликой?

От обеих за двадцать

Верст несет земляницей!

3

Все бы ей смеяться:

— Дождик, дождик! —

У московской цацы

Тысяча одежек.

Я немножко дуюсь:

Как съязвить получше?

Маленькая дурость —

Прыгаем по луже.

Чтоб вилися волосы,

Под дождем их мочим...

Я невинным голосом:
— Толстая ты очень!
Ноги как бутылки!
— А твои как спички!
— Ежик на затылке!
— Косички-крысички!
— Деревенские грубости!
— В городе грубеем!..

— Это что за глупости? —
Тетка нам обеим.
Мне — орехов горсточку,
Подзатыльник — Гале:
— Подмели бы горницу
Или почитали.
Вон и книжки детские!
Нет, стоят и дразнятся...
Городские, сельские —
Ну какая разница!

4

— Ничего ты не умеешь. Неумеха! —
Мы сидим и чистим картошку.
Я с работой справляюсь плохо:
Не умею срезать понемножку.
Я кромсаю грязные клубни
(Не тому и не так учили!),
А сестра поджимает губы
(Все еще в земляничном мыле).
Наклоняется над картонкой
И обидным картонным тоном:
— Завалились, поди, картошкой,
Раз живете на всем готовом!.. —

На готовом?
Я с ней могла бы
Поделиться ночной Москвою,
Где стоят городские бабы
В длинной очереди за мукою,
Где во сне мечтают подростки
О взаправдашней школьной форме,
Где отцовские две полоски —
Желтые на зеленом фоне.

Но я молча реву — и точка.
И покорно принять готова:
Нюня.

Маменькина дочка.
Слезокапалка.

Плакса.

Рева...

— Что ты плачешь?.. —

Но я не слышу
Неожиданного вопроса.
Я оплакиваю крышу,
На которую нету теса,
Все залатанные телогрейки,
Все заштопанные шали.
Я оплакиваю орехи —
Те, что мне в утешенье дали.
Я глаза вытираю платьем.
(Хоть бы слезы

платье прожгли мне!)

Я оплакиваю плачем
Обособленность нашей жизни,

Нашей комнаты в самом центре
От земли,
 от леса,
 от речки
И от кладбища возле церкви,
Где мои безвестные предки.

5

...Как светила нам луна
С теми зорьками,
Как я шла домой одна,
Шла задворками.
Говорил любимый мой:
— Пойдем к уточкам. —
А вернулась я домой
Ранним утречком...

— Кумекаешь, о чем?
— Кумекаю, о чем!
Сидим к плечу плечом, не ссоримся.
Сестренка шепотком:
— Гуляла с мужиком,
А все они, а все они без совести!

И на ухо мне — ой,
Секрет такой смешной...
Врунишка, хулиганка, безобразница!
Какая чепуха!
Мы обе: — Ха-ха-ха! —
(Отвергнуть, осмеять, обезопаситься).
Дух русских погребов,
Дух жареных грибов,
А может, это просто запах сырости...

Так вот она, любовь?
А ну ее, любовь!
О, поскорей бы, поскорей бы вырасти!
Я запру свое окно
И не выгляну,
Заплыву я далеко
И не выплыву...

6

Сухие листья разгребали,
Чтобы добраться до опят.
Мы пахнем свежими грибами
Все — с головы до пят.
Мы не согбенными по лесу —
Царевнами:
— Ау-у! —
Грибами пахнут все порезы,
Все ссадины на лбу.
Я думаю, что даже память
Погожим днем
Должна опятами пропахнуть
И желтым пнем,
И сковородкой с постным маслом
(Немного лей!),
И дуновением неясным
Лесов, полей.
И все в сестренке мне понятно:
И хмурь и торжество.
Мы, как весенние опята,
Растем из пня из одного!

РЕБЕНОК

В квартире — маленький ребенок
Величиной с почтовый ящик.
Он примирил непримиренных
И мигом вылечил болящих.
В квартире — маленький хозяин,
Бич барабанным перепонкам.
Бывало, всяк собою занят,
И вдруг все заняты ребенком!
Не чувство дома или долга
Толкнуло нас на жертвы эти,
А жажда, голод —

слишком долго

В квартире не рождались дети.

Война соседкам помешала:
Одних убитых увольняя,
На вдовах ярость вымещала
Война,
бесплодием больная...

А ходит маленький ребенок
Враскачку, точно по ухабам,
И липнет рыженький опенок
К надежным те-тям,

к добрым ба-бам.

Он никого не раздражает:
— Опять кричит?

Хороший признак!

Пусть молодые нам рожают
Таких крикливых и капризных! —
Квартира и меня растила
С глубоким пониманьем дела.
И вот опять моя квартира,
Как женщина, помолодела.

ТРЕТЬЯ СМЕНА

А юность и девичество бессмертны...

Пока мы с неохотою встаем,
Кончается работа третьей смены,
И двери хлопают в доме моем.

Ночная Смена медлит у порога,
И входит к нам с букетами газет,
И, розовая, щурится немного
С дневного света на вечерний свет.

Она свои суконные ботинки
Подсушивает около плиты.
У Третьей Смены рожки на затылке —
Орудья пытки ради красоты.

У Третьей Смены столько кавалеров,
Что телефон все утро «динь» да «динь».
Они прибодряются, поверив,
Что мы хоть имя ей передадим.

Мы утренние делаем покупки,
Мы делимся покупками без ссор,
Мы бегаем на цыпочках по кухне —
У Третьей Смены очень чуткий сон.

МАДОННЫ

У вас так просто все и хрупко:
Волос растрепанный пучок,
И эта стираная юбка,
И отложной воротничок.
Плита,
 толкучка в магазине —
Вот ваши будничные дни.
А где же гордые богини?
И где мадонны,
 где они?

Но вы умели,
 в злую стужу
Встречая скорбный эшелон,
Глядеть в лицо седому мужу
Глазами тех святых мадонн.
А сын, в беспамятстве рожденный?
Больной отец?
Слепой жених?..
Все эти мертвые мадонны —
Они срисованы с живых!
Их станы,
 гибкие, как стебель,
Улыбка, солнце на челе —
Ведь ничего не взято в небе,
А все родилось на земле!

ГРЕХ

Ворота

вам

вымазывали дегтем,

Анафемой

грозили вам попы, —

Вы отступали,

защищаясь локтем

От яростно гогочущей толпы.

Летели комья грязи

вам вдогонку,

Вы были хуже всех,

чернее всех.

Вам сватали дрянного мужичонку —

Он куплен был,

чтобы прикрыть ваш грех...

Но, притерпевшись к дикости расплаты,

Вы вспоминали в темени ночной

Любимого,

забритого в солдаты...

Погибшего...

Ушедшего к другой...

Хрипел отец, растрепанный и босый,

И, полоснув вожжою по лицу,

Волок вас

за распущенные косы

К навеки ненавистному венцу.
Сухие пальцы сдавливали горло:
— Гулящая! Заставлю! Прокляну! —
Устало, нераскаянно и гордо
Вы плакали в безвыходном плену.

Но, проклятые свахами и богом,
Вы все равно останетесь в веках,
Прекрасные
 в своем величье строгом.
Безгрешные —
 с ребенком на руках.

МОЛОКАНКА

Спелой осенью,
 спозаранку,
Не заботясь насчет колец,
Полуночицу-молоканку
~~Ужасил~~ мой дед под венец.
Убежала от братьев сонных,
Не сказавшись своим родным,
На задворках один подсолнух
Разрешал целоваться им.

Может, дом под намокшей крышей,
Капли дождика на листе
Помогали ее неслышной
Конопатенькой красоте?
Птичье ль теньканье на рассвете?
Полуденная ль тишина?..

Я живу на другой планете,
Не любимая, не жена.
Щеголяю в дубленой шубе,
У волос золотая масть.
Но никто меня так не любит,
И никто не захочет красть.

Видно, правда, кустарник ломкий
Да камыш в голубой воде
Помогали ее негромкой
И веснушчатой красоте.

* * *

У меня сегодня пету дел.
Двадцать пять мне нынче, двадцать
пять.

Набираю телефоны старых дев.
Приглашаю их немножко погулять.

Где же наши мальчики?
А там!
Бродят по весенним площадям.
Все они талантливый народ —
Взрослости мне в них недостает.

Я сама умею так галдеть,
Я сама умею так глядеть,
Я сама читала уйму книг.
Я взрослее сверстников своих.

Это можно ведь сойти с ума,
Если все сама, сама, сама.
Хочется,

чтоб кто-то был сильней,
Хочется,

чтоб кто-то был умней,
Чтобы он — рукой по волосам,
Чтобы он, как маленькой:

— Я сам!

Вот мы и остались не у дел.
Все равно гуляем, все равно.
Набираю телефоны старых дев
И веду их в панорамное кино.

КАМЕРА ХРАНЕНИЯ

Примите в камеру хранения
Не чемодан и не плетенку —
Мое дорожное смятение,
Мое постыдное хотение
Опять забиться в комнатенку.

Примите в камеру хранения
Не вещевой мешок в заплатах —
Мое плохое настроение,
Мое великое сомнение
В моих особенных талантах.

Примите в камеру хранения
Все то, что мне наобещали,
Мое сплошное невезение:
Мои свидания осенние,
Мои весенние прощанья.

Квитанций с камеры хранения
Я не возьму.

С какой же стати?!

Мне только чувство обновления,
Мне только радость откровения
И молодость мою оставьте.

РЕБЕНКА УВОДЯТ ДОМОЙ...

Ребенка уводят домой
Не мирно,

а волоком, с плачем:
В песочнице круглой, сырой
Он только что строиться начал.
Он хочет лепить куличи,
По кромке песочницы бегать.
Ребенка уводят обедать,
Ребенку кричат:

— Не кричи! —

...А нас не терзали опекой?
«Устал... Побледнел... Похудел...»
А нас не тянули обедать
От разных рискованных дел?
А нас не сажали на привязь?
А нас не толкали в уют?
И все-таки мы ухитрились
Качаться в колясках кают,
Далекie страны объехать,
Взломать антарктический лед.

Ребенка уводят обедать —
Он с криком обедать идет!

МОЙ ПЕОЗД

Сказал человек в пенсне:
— А я прозевал свой поезд.
Не вижу химер во сне,
О прочем не беспокоюсь.
Я тихий старик, вот так... —
А был он побрит, подстрижен,
И неудачника знак
На лбу его не был выжжен.
Но я предпочла бы гром
Небесный
его затишью.

Люблю говорить о том,
Что я от других завишу,
Что с головой уйду
В работу,
 когда освоюсь,
Что у меня на виду
Стоит незанятый поезд...

А вдруг по моей вине
(Замешкалась, запропала)
Мой поезд уйдет
 и мне
Оставит клочочек пара?

Упущу ли состав?
Брошусь ли вслед составу?
Неужели, устав,
Я тихой старухой стану?!

Стоит мой поезд большой
У перегона.
Вот он!
Но он пока не ушел.
Он только-только подан.

ВПОЛНАКАЛА

Сколько раз от вкрадчивых слыхала:
— Вполнакала надо, вполнакала!
В лампочке не волос — волосок,
У тебя не голос — голосок.

Сколько раз от опытных слыхала:
— Ты, видать, из плавкого металла,
Слишком ты горячая внутри.
Не перестарайся, не сгни...

Мудрые стальные реостаты,
Я — живая.
Стало быть, свечу.
Я гореть без риска и растраты
На лампадном масле не хочу!

Для чего выгадывать излишки?
Как светить на четверть и на треть?
Волосок!
Без магниевой вспышки
Я ему не дам перегореть!

РАЙЦЕНТР

Я гость глубинного райцентра,
Позавчерашнего села,
Где брошенная мною цедра
От апельсина

привлекла

Вниманье тихих горожанок,
Вниманье строгих горожан,
Где неуместен да и жалок
Мой серый, в клетку чемодан.

Иду походкой человека,
Перенесенного извне.
Синеет вывеска «АПТЕКА»
На ископаемой избе;
У входа парень в телогрейке,
Периферийный нелюдим.
А путь-то из варягов в греки
По этим весям проходил!..

Летит крупитчатая манна,
И воздух мартовский горчит.
А у парнишки из кармана
Газета свежая торчит
И на столбе висящий низко
Бас-репродуктор говорит

О том, что в зданье коммунизма
Уже сегодня вход открыт.

А я-то, что я, с Марса, что ли?
Мы с этим юношей родня:
Наверно, он в вечерней школе
И учит то, что знаю я.
Мы все похожи!

Тесным кругом
Живем мы на одной земле,
И мы сверяемся друг с другом —
Я по нему,
а он по мне.

Не хвастовства пустого ради
Я то в ауле, то в селе.
Я просто утверждаюсь в правде,
Которую ношу в себе.

ДЕВОЧКА

Едет женщина с девочкой,
С Танечкой-лапушкой,
От бабушки с дедушкой
К дедушке с бабушкой.

Я сочувственно охаю:
— Трудно в поезде с крохой! —
Только мать удивляется
Так, что бровь округляется:
— Да единые суточки —
Разве долго для Танечки?
Вот я выну из сумочки
Сахарок и стаканчики.
Вы попробуйте — ряженка,
Повкусней простокваши.
Ну какая вам разница —
Пить свое или наше?
Завтра выглянет солнышко
Рано-ранехонько.
Засыпай, моя донюшка,
Засыпай, моя крохонька.
 Как над речкою тихою,
 Баю-баю,
 Аист жил с аистихою,
 Баю-баю...

После сказки про аиста,
Убирая стаканчики:
— Не дадите ли адреса
Нашей маленькой Танечке?
Может, вырастет деточка
И в столице поучится.
Может, знатная девушка
Из Танюши получится,
И пошлют на экскурсию
Танечку-вишенку
За работу искусную,
За пенье, за вышивку.
Мамку из дому выманит,
И приедем к вам с Танею.
Не узнаете вы меня,
Старую, старую...

Шутит шутками горькими,
А уж смех наготове,
И арбузными корками
Вот-вот выгнутся брови.

СЫН

Почернела старая бадья.
Потускнела мазаная хата.
Здесь живет безвестная семья
Без вести пропавшего солдата.
Бегают дворняга, хвост поджав,
Куры квохчут возле огорода...
Примеряет юноша пиджак,
Весь пропахший сыростью комода.
Сделает три медленных шага:
Горница, приложая, задворки —
И найдет в кармане пиджака
Горсть отцовской
 высохшей махорки.
Он закурит желтую махру,
Сразу станет взрослым, деловитым
И пройдет по тесному двору
К матери, склоненной над корытом.
Отпихнет собаку:
 — Не скули! —
Поперхнется едкою махорю.
Мать тихонько скажет:
 — Не кури,
Дурачок, успеется. Покою
Нет!.. —

Но вдруг
раскуренная горсть
Защемит ей горло сладким дымом,
Будто бы вернулся жданный гость
К ней и к сыну,
к яблокам и к дыням.

СТАНЦИЯ

Небо с краю синеватое.
Но уже черно в зените.
Станция Ясиноватая!
— Не толкайтесь.
— Извините.

Все боятся опоздания,
Все волнением разогреты:
— Почему нельзя заранее
Компостировать билеты?

Так, наверно, боги жаждали,
Древнегреческие боги.
Хриплый голос свыше:
— Граждане!..

Двести пар ушей в тревоге.
— ...Комнаты для отдыхающих
В помещении вокзала. —
Двести быстрых, вопрошающих
Взглядов:
— Что она сказала?
— Про билеты?
— Нет, про комнаты.
— Тьфу, да это вроде ссылки!

Снова ожиданьем скованы
Кепки, шляпы и косынки.

Вот проник к администратору
Кто-то.

Ой, как некрасиво!
Я за справедливость ратую,
Как частица коллектива.

Вышел с важностью апостола,
А в толпе шумит завистник:
— У меня ж от их компостера
Жизнь и будущность зависит!..
Помоги парнишке, станция,
Пусть быстрее уезжает.
— Да никто тут не останется! —
Нас дежурный утешает.

Сводит, связывает, сватает,
Ссорит, сталкивает, судит...
Станция Ясиноватая!
Ты вершительница судеб.

НА ПРИКОЛЕ

Как-то сухопутно и неловко
Выглядит моя командировка.

Капитан на ней поставил росчерк:
— Значит, пишете о море очерк?
Жаль, что теплоходы на приколе.
Возвращайтесь к нам весной, что ли?

— Нету мест в гостиницах ростовских? —
Добрый смех в глазах его отцовских.
— Так и быть, инструкцию нарушу.
Боцман, приюти живую душу!
Первый класс «Георгия Седова»...

Боцман понимает с полуслова
И ведет меня по сходням белым,
Обведенным снегом, точно мелом.

Так я ночевала на «Седове»
В зимнем неприветливом Ростове.

Предложил мне боцман чашку чаю
И сказал:
— Москвичка, замечаю? —

Чтобы ночью я не замерзала,
Выдал мне два рыжих одеяла,
Выдал электрическую плитку,
В раковине спящую улитку,
И сказал:
— Здесь холодно под утро.
Если что, внизу моя каюта...

Двое на «Георгии Седове» —
Двое на заброшенном зимовье.
Метры между носом и кормою —
Метры между боцманом и мною.
Разве метры?
Мили. Мили. Мили
Между нами этой ночью были.
Так и ночевали на приколе.
На пустынном ледяном приволье,
Чувствуя себя
 то полюсами,
То едва дрожавшими весами.

МОРОЗИВО

Замерзло Азовское море
И стало похоже на озеро...

Есть в мягкой украинской мове
Чудесное слово: морозиво.

Оно хоть и, правда,

украинское

И мною бесстыдно украденное,

Но слово-то очень хорошее,

Как старое русское

«крошево»,

Как старое русское

«кружево»,

Как старое русское

«месиво».

Оно — то единственно нужное,

Которое ищут полмесяца.

Гуляю по глади Азова —

И впрямь подмосковное озеро —

И думаю снова и снова:

«Какое... какое морозиво!»

ИСПАНКА

Кармен Усаторре

Твои пятнадцать лет
Тебя по пляжу носят,
И пальцы кастаньет
У набережной просят:
— Кармен, пойди сюда!
— Я не Кармён,
а Кáрмен!..

Зеленая вода,
Разгоряченный камень.
Ты тапочки сняла,
Ты трусики отжала
И на топчан легла,
Прикрыв лицо от жара.

На море—мертвый час,
И ты бормочешь сонно,
Что это не Кавказ,
Что это Барселона,
Вот-вот нагрянут к нам
Твои родные тетки...

Ты думаешь, что там,
Как в Сочи по путевке?

А если Мирт смешон,
Гвоздика вне закона?
А Денежный Мешок
С изящного балкона
Божится: — Все куплю
Я,

 обладатель чека,
Все, даже скорлупу
Колумбова ковчега! —
А если нищ старик
И дети неодеты,
А если вот крик:
«Подайте полпесеты», —

Не сможешь ты молчать,
Не будешь голословной:
Московская печать
В испанской родословной!

СТАРИКИ

Как поступать со стариками,
Которым восемьдесят пять?
Уж не бега ли тараканьи
В наследство нам от них принять?
Когда они ворчливы стали,
Что делать
нетерпимым
нам?..

Меня учили в Дагестане
Почтенью к древним старикам.
Завженотделом говорила,
Когда в колхоз меня везла,
Что старики и есть мерило
Неявного добра и зла.

Не допускайте повторенья
Того, что гнуло их в дугу.
Кладите в пищу им коренья.
Разваривайте курагу.
Они зубами молотили
Гнилую сухомять жмыхов...

Не заноситесь, молодые!
Храните ваших стариков,

РИФМА

(Подражание дагестанцам)

Не сводите все к рифме,
К этой огненной гриве
Моего скакуна.
Правда, рифма игрива.
Но не больше, чем грива.
Не скакун же она!

* * *

Мы с этой девушкой аваркой
На пляже нежимся вдвоем
И чай с немислимой заваркой
Из голубой пластмассы пьем.
Она мне гордо показала
Листы конспектов и программ.
Она мне строго рассказала
Про свой студенческий роман,
Секретный:
— Что там слушать старых?
Он не такой! Он не предаст!..

Два поколения аварок —
Какой разительный контраст!

Мать, как неслыханную милость,
Поездку в город приняла,
А дочь не просто с гор спустилась —
Пять лет в столице провела.
За той адаты, как солдаты,
Весь век тащились по пятам.
А эта дерзкая!
— Куда ты?
— Куда хочу!
Да, тут не там...

Но там не только
«Небо, сжался!»,
Не только
«Плачу и молю!»,
Но и «Не тронь!»,
«Не приближайся!»,
«Не наступай на тень мою!».
Он перед нею на колени,
А у нее суровый взор...

Мы все — второе поколение,
Которое спустилось с гор.

УЛИЦА

Я знаю эту улицу.
Впотьмах
Найду твой дом.
С закрытыми глазами.
Я знаю все рекламы на домах
Так,
 что могу сдавать по ним экзамен:
Смотрите «Сестры»!
Пейте молоко!
Храните сбережения
 в сберкассе!..
Мне потому так ясно и легко,
Что я могу вернуться восвосяси.
Твой дом еще не рядом.
Я вернусь.
Меня никто не тянет на аркане.
Я знаю все витрины наизусть:
«Игрушки»,
«Книги»,
«Штапельные ткани».
Твой дом гораздо ближе.
Сто окон
Сверкают, как ячейки в желтых сотах.
Ребячий смех летит со всех сторон.
Мне некогда раздумывать.

В воротах
Стоять нельзя.
У многих на виду
Пересекаю двор, как по канату.
Кому какое дело?
Я иду,
Быть может, не к любимому,
а к брату,
К подруге-однокурснице,
к врачу...
Кому какое дело?
Зуб лечу!

ШАГИ

Покрыть твои шаги чужими
И сделать вид,
 что не с тобой,
Как заведенные, кружили
Мы по вечерней мостовой.
Застлать твои шаги другими,
Как войлочным половиком,
Твои звенящие —
 глухими,
С тяжелым плоским каблуком.
С другим
 стоять в подъездах гулких.
С другим
 выписывать круги.
Теряться в тех же переулках.
Стереть (сберечь!) твои шаги.

ВАСИЛИСА

Мне бы стать Василисой Премудрой,
Не знакомой с духами и пудрой,
В сарафане, в жемчужной кике,
С ясным светом на белом лике.
Вмиг развеять твои печали
Удивительными речами,
Напоить тебя взглядом синим,
Исцеляющим и всеильным.
Быть спокойнее, быть нежнее
И на всякие там вопросы
«Утро вечера мудренее»
Отвечать, распуская косы.
Перебраться с тобой в град Китеж,
Знать, что ты меня не покинешь.
Кто ж бросает мудрых и славных?
Оставляют глупых и слабых...

СНЕГУРОЧКА

Все говорили:

 дурочка!
А это была Снегурочка.

Была не такой уж маленькой,
Но все ее поучали:

— Иди

 и любовь вымаливай,

Не вымолишь — плачь ручьями. —
Шептали:

 — Ступай на выселки,

Возьми у колдуньи зелье... —

А гордость куда?

 На выставку,

Чтоб на нее глазели?..

Сколько на свете дурочек!

Вот и я

 не могла бы

Из весенних снегурочек —

Просто

 в снежные бабы.

* * *

Платья мои пережили тебя.
Туфли мои пережили тебя.

А говорят, непрочна ткань,
На два сезона негодна.
А говорят, на солнце стань —
И сразу выгорит она.

Крепче брезенга розовый твил.
Помнишь, ты платье мое похвалил?

А говорят, а говорят —
Как люди странны и смешны, —
Что туфли на ногах горят,
Что лопаются ремешки.

Крепче железа их матерьял.
Помнишь, ты туфлю мою потерял?

И мы с тобой до темноты
Ее искали под дождем...
Непрочны только я и ты.
Чего мы вещи бережем?!

РАЙОН МОЕЙ ЛЮБВИ

Молчи,
район моей любви —
Четырнадцать кваргалов счастья!
Меня за локоть не лови —
Я не хочу с тобой встречаться
Ни утром,

ни в разгаре дня
(А вечера теперь короче!).
Ты не разыгрывай меня
И не разгуливай до ночи.
Не засекай,

район любви,
Меня на каждом перекрестке,
В пролеты лестниц не зови,
Не пачкай в краске и известке,
Не отводи оконных глаз
И не топи в тени скамеек...

Ты это делал тыщи раз —
Ты не откроешь мне америк!

* * *

Конец?
Нет, перерыв!
И все еще вернется!
Иду, глаза открыв
Для мартовского солнца,
В распахнутом пальто,
С пахучими цветами.
Пусть солнцем выжжет то,
Что встало между нами.
Иду и хохочу:
Как я не понимала,
Что людям по плечу
Все начинать сначала?

На крышах — леденцов
Весенних переливы.
И вовсе нет концов,
А только перерывы.

РЕМОНТ

Ремонт, ремонт!

С большим трудом

Найдешь местечко, где почище.

Скребут и красят старый дом,

Мое почтенное жилище.

Бригада с самого утра

Сидит на крыше, как на стуле.

Два ангела, два маляра,

Качаются на верхотуре.

И даже между циркачей

Таких канатоходцев нету,

И кажется, взлетит качель —

И маляры мазнут по небу!

Подъезда нет. Зияет пасть.

А дверь разобрана на части.

Как посчастливилось совпасть

Ремонту дома с личным счастьем?

И я сгоняю лень свою,

Смываю липкую дремоту.

Я предпочтенье отдаю

Хорошей встряске и ремонту.

Ремонт, ремонт!

С большим трудом

Найдешь местечко, где посуше.

Как ремонтируется дом,

Так ремонтируются души!

СОДЕРЖАНИЕ

Вожатая	3
Гайдаровский мальчишка	5
В пионерском лагере	7
Сказки	9
Утро	10
Ожидание	11
Весна	12
Осень	14
Четыре года	15
Кукла	17
Рисунки	19
Домой!	20
Родственники из города	22
Ребенок	28
Третья Смена	30
Мадонны	31
Грех	32
Молоканка	34
«У меня сегодня нету дел...»	35
Камера хранения	37
Ребенка уводят домой...	38
Мой поезд	39
Вполнакала	41
Райцентр	42
Девочка	44
Сын	46
Станция	48
На приколе	50
Морозиво	52
Испанка	53

Старики	55
Рифма	56
«Мы с этой девушкой аваркой..»	57
Улица	59
Шаги	61
Василиса	62
Снегурочка	63
«Платья мои пережили тебя...»	64
Район моей любви	65
Обида	66
«Конец? Нет, перерыв!..»	67
Ремонт	68

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также свои пожелания автору и издательству.

Пишите по адресу: Москва, А-30, Сущевская, 21. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Жармунская Тамара Александровна

РАЙОН МОЕЙ ЛЮБВИ

Лирические стихи,

М., „Молодая гвардия“, 1962, 72 стр.

Редактор *В. Цыбин*

Художник *В. Пензин*

Художественный редактор *Н. Печникова*

Технический редактор *И. Егорова*

A06753 Подп. к печ. 12/IX 1962 г.
Бум. 70×90₃₂. Печ. л. 2,25(2,63)+1 вкл.

Уч.-изд. л. 2. Тираж 10 000 экз.

Заказ 1458. Цена 25 коп.

Типография „Красное знамя“

изд-ва „Молодая гвардия“.

Москва, А-30 Суцевская, 21.

